

ОДИН ИЗ ТРЕХ МИЛЛИАРДОВ ДНЕЙ

КОРОТОК день человека. От утренней до утренней зари. Огромный день мира, потому что помножен на миллиарды человеческих дней. Но дни эти только астрономически совпадают. Человечески они разные и в пространстве и во времени. По-разному движется время внутри человеческих жизней и разными измерениями меряется. То плывет, то скачет, то останавливается. Значит, и жизни человеческие во времени то сливаются, то пересекаются, а то и вообще несоизмеримы потому, что движутся в разных плоскостях.

В сегодняшней календарный день на земле родились сотни тысяч людей. В родильных домах, в поездах, в гостиницах, в сухой траве, на земляных полах глиняных хижин, на мокром асфальте тротуара.

Сегодня, сейчас, сию минуту умерли и умирают сотни тысяч людей от болезней, пули, голода.

Разве сегодняшние рождения и смерти происходят в один и тот же день? Календарно — да. Человечески — нет: разность пространств порождает разность времени.

Среди миллиардов сегодняшних человеческих дней есть и мой короткий день. Он простой.

27 сентября. Вторник. Вторник — это выходной день нашего театра. Это мое воскресенье. Я режиссер, то есть человек, который должен все время что-то выдумывать. Шесть дней подряд моя голова

выдумывала. Сегодня у нее отдых, она имеет право ничего не выдумывать, значит, может просто думать. О чем? Обо всем. О чем хочет. Что придет в голову. Само, без зова.

Я ИДУ по подмосковному лесу. Горький запах прелой коры и стрекот чем-то взволнованной сорочки вызывают медленные думы о таких же желтых осенних днях моего детства. Они осыпались, как листья вон с того тополя. Дорога заводит в густой, как щетка, лес. Натывается на маленький круглый прудик и, шаркнувшись в сторону, огибает его, повторяя кривую берега. Над прудом деревья и в пруду деревья. Каждого по два. Одно головой вверх, другое вниз, как валеты, дамы и короли. И так же неподвижны.

Кто же догадался вырыть этот пруд по самой середине проезжей лесной дороги? Его вырыла война. Бомба. Смерть.

Вот и оторвались медленные думы о детстве и кинулись туда, где была война. Из четверти века, лежащих между двумя днями мира, война огняла пять лет, но они больше пятидесяти потому, что огромным был каждый день войны, каждый час, каждая минута. Бомба, вырывшая весной пруд, никого не убила. Разве только уснувшая птичка стала ее жертвой, да деревья веером легли вокруг воронки. Но другие бомбы той московской ночи,

отделенные друг от друга секундами времени и километрами расстояний, упали на улицы, площади, дома, и черные фонтаны взрывов превратились в красные тучи пожаров. Сколько людей, сколько женщин и детей погибло в день рождения этого пруда! Только в эти секунды. Только в эту ночь. А сколько таких секунд за пять лет войны? Сколько дней и ночей, покрывших ужасом, болью и смертью миллионы квадратных километров Европы, Африки, Азии?

Мысли разворачивают память, и возникает Смоленск. Целый город пустых коробок сожженных домов. Ночь. Сивозь дыры окон луна вымстила светом мертвые улицы. Киевский Крещатик похож на горный хребет из кирпича, штукатурки и скрученных огнем железных балок. Каменный хаос лежащего навзничь Дрездена. Развалины Берлина, Лейпцига, Кельна. Разбитые снарядами «фау» черные дома Лондона. Нет в моей памяти Хиросимы. Я не видел ее, а представить нету сил.

К ПРУДИКУ подошел мальчик с собакой. Бросил палку, и побежали плоские крути. Собака плюхнулась в воду и поплыла, сопя и отчаянно шлепая лапами.

Неужели этот мальчик увидит лицо войны? Четыре дня назад Никита Сергеевич Хрущев на сессии ООН предложил план всеобщего и полного разоружения для того,

чтобы и этот мальчик вырос и был счастлив. Тан неужели же все-таки мальчик увидит лицо войны? Разве в Америке, во Франции, в Англии, в Германии, в Японии, в Италии — во всех странах мира нет детей, нет отцов и матерей?

Гудит самолет все громче и ближе. Прямо над прудом с ревом пролетает «ТУ-104». Вытянув голову, отмахнув назад короткие толстые ласты. Что за люди сидят там внутри на откинутых белых креслах, дожидывая конфетки старта? Куда они летят? В Париж? В Каир? В Дели? И мысли полетели за ними. За военные и послевоенные годы сколько раз уносил меня самолет в чужие страны. Раз двадцать? Двадцать пять? Нет, больше. И сейчас эти страны поднимаются на поверхность памяти и глядят на меня реками, горами, городами, лицами людей.

Богатый — нищий Тегеран, огромный, вымазанный каминной сажей Лондон, маленький, как макет, средневековый Дубровник, раскаленная солнцем Калькутта, тихие, покрытые пушистым снегом улицы Хельсинки, рождественская суматоха Парижа, белые Афины, королевские мраморы Акрополя, рыжие бури Каира, разлученные Дунаем Буда и Пешт, заколдованные временем площади Рима. И

С. ОБРАЗЦОВ

□ □

все это так близко друг к другу. Совсем рядом. Не успеешь выпить кофе и прочитать газету, пора вылезать, прилетели. Африка.

Люди в сотни раз приблизили города, страны, народы и люди же разлучили их клеветой и злобой. Туман лжи стелется над миром даже тогда, когда на небе нет ни облачка. С самолета этот туман не виден, но ведь с самолета и границы тоже различить нельзя. Птицы о них не подозревают.

Много разных городов и селений я видел. И бедных и богатых, и красивых и уродливых. Но те, кто живет в этих городах и селах, всегда казались мне одинаковыми. Не по костюмам, не по одежде, не по обычаям, а по самому существу своему: по тому, что определяется словами «мать», «отец», «ребенок», по тому, что выражается в глазах, в улыбке, в слезах. Есть удивительные по своей нелепости ходячие определения: англичане чопорны, немцы расчетливы, французы легкомысленны, финны суровы, греки хитры, американцы коварные зазнайки. Это не просто неправда, это злая и вредная ложь. Нельзя приклеивать ярлыки характеров целым народам. Три раза был я в Англии. Сколько замечательных друзей приобрел, и ни один из них не обладает даже граммом чопорности. Где эти легкомысленные парижане и парижанки? В ночных кабаре? Там их нет. Там иностранцы, а парижане

в 10 вечера ложатся спать. Где эта выдуманная финская суровость? Да финны умеют так весело и так заразительно смеяться, что по правилам дегустаторов национальных характеров их надо немедленно перевести в категорию итальянцев. Как можно говорить о коварности или зазнайстве американского народа, зная произведения Сеттона-Томпсона, Марка Твена, Уолта Уитмена, Колдуэлла, Хемингуэя?

Нет на свете плохих национальностей и плохих народов. Всякий, кто говорит о каком-нибудь народе дурно, работает на войну, хочет этого или не хочет.

ДОРОГА пошла вдоль чьего-то забора. За забором яблоня. Что это за яблоня? Судя по времени, зимняя, да не антоновские. Те восковые. И не борозинка, те фиолетово-пунцовые, а эти красные, как огонь. И много их. Больше, чем листьев. Такой яблоня полагается быть в раю и под ней должны стоять Адам и Ева. Она красивая, как счастье. То самое человеческое счастье, которое невозможно без свободы и без мира.

Ну что ж, если подводить сальдо за четверть века, то баланс окажется с хорошим знаком плюс.

Бесправно, тяжело, горько, голодно и страшно живут еще на земле миллионы людей. Я знаю это. Я видел это, но с каждым годом бесправных и голодных становится все меньше и меньше. Что

может остановить процесс освобождения народов из рабства? Деньги? Оружие? Предательство? Ничто. Если не сегодня, так завтра, не завтра так послезавтра, но не будет на земле народов-рабов.

Ну, а если мир и свобода станут хозяевами жизни, то жизнь будет еще прекраснее, чем эта райская яблоня. Человечество нашло доступ к энергии, которую земля забила. Это энергия космоса. Во сколько же раз богаче стал человек? Человечество завладело пространством космоса. Во сколько же раз расширились человеческие угодья? Человечество побеждает болезнь за болезнью. Насколько же удлинится жизнь человечества?

На Подмосковье спустилась ночь. Хорошая теплая ночь. За оврагом таякает деревенская собака. Слышны гудок электрички и стук колес. Ночью он совсем рядом. Люди едут в Москву. Над головой движутся три огонька. Самолет. Откуда он? Из Копенгагена. Рима, Берлина, Осло? Все равно близко. И сидят в этом самолете люди. Итальянцы, немцы, датчане, норвежцы. Люди. У них есть отцы и матери, жены и дети.

И всем им нужен мир.

5
стр.

№ 233 (13469)

29. IX. 60.